Дворцова Елизавета Игоревна, аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики, факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: dvortsova.el@gmail.com

ДИСКУССИЯ О КРИТИКЕ В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ» (1960–1961 гг.)

Статья посвящена одному из фрагментов журнальной полемики начала 1960-х гг. и истории советской литературной критики эпохи оттепели, а именно метакритической дискуссии в журнале «Октябрь». Анализируются публикации, посвященные проблемам критики, вышедшие за первый год после смерти Ф. Панферова, возглавлявшего журнал до октября 1960 г., и прихода на его место Вс. Кочетова. В статье рассматривается понятие метакритики, выделены узловые проблемы, поднимаемые в метакритических статьях «Октября», показаны точки зрения по ключевым вопросам. Кроме того, сделан вывод о возможной связи метакритической дискуссии, проводимой журналом, с подготовкой к обнародованию третьей программы КПСС.

Ключевые слова: *история критики, советская критика, метакритика, журнальная полемика, толстые журналы, «Октябрь».*

Elizaveta I. Dvortsova, PhD student at the Chair of Literary and Art Criticism and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: dvortsova.el@gmail.com

THE DISCUSSION ON LITERARY CRITICISM IN THE OKTYABR' MAGAZINE (1960–1961)

The article examines a piece of magazine controversy of the early 1960s and the history of Soviet literary criticism of the "thaw" period, namely the metacritical discussion in the October magazine. The author analyses some articles on literary criticism published during the first year after the death of F. Panferov, the magazine's chief editor until October 1960, and his replacement by Vs. Kochetov. These articles formed the discussion on metacriticism connected to the government's cultural policy. The article deals with the concept of metacriticism, illustrates the influence of the government's statements on Soviet metacriticism, identifies the main issues raised in the metacritical articles of the Oktyabr' magazine and shows different points of view on those issues. In the course of analyzing the articles, the author comes to the conclusion that there might have been a connection between the metacritical discussion in the magazine and the preparations for the publication of the Third Program of the Communist Party of the Soviet Union in the press.

Key words: *history of literary criticism, Soviet literary criticism, metacriticism, magazine controversy, literary magazines, Oktyabr' magazine.*

Введение

Целью данной статьи является рассмотрение дискуссионной практики, характерной для толстых журналов начала 1960-х гг., на примере метакритических текстов, опубликованных в журнале «Октябрь» в 1960–1961 гг. Среди многообразия советских литературных журналов, активизировавшихся в этот период («Знамя», «Юность», «Звезда», «Нева», «Иностранная литература» и др.), отчетливо выделяются два «полюса» – «Октябрь» Вс. Кочетова и «Новый мир» А. Твардовского. Литературно-критическая полемика, обширная в то время, часто концентрировалась вокруг этих двух изданий.

Научные исследования, посвященные советской журнальной критике, как правило, сосредоточены вокруг «Нового мира», «Октябрь» же вспоминается лишь для того, чтобы подчеркнуть новомирскую специфику. Данная статья посвящена не изученной ранее дискуссионной практике «Октября». В качестве материала для исследования была выбрана метакритическая дискуссия, проводившаяся в течение первого года после назначения Вс. Кочетова главным редактором журнала. Именно после смены руководства, по мнению Е. Добренко, «Октябрь» «занимает четкую позицию в кипящей литературной борьбе и буквально в течение полугода становится тем магнитом, который притянул к себе все, что противостояло либеральной позиции “Нового мира” <...> Позиционные бои на теоретическом фронте стали постоянной практикой “Октября”» (Добренко, Тиханов, 2011: 449–450). Е. Добренко также отмечает, что в это время «предпринимались попытки перенаправить общественную полемику и литературно-критические споры в некое приемлемое русло путем организации “литературных дискуссий”, которыми столь богата эпоха оттепели. Каждый раз это становилось попыткой создания нового дискурса о литературе. Но поскольку одновременно это был и политический дискурс, то задача подобных дискуссий была не столько эстетическая, сколько политико-идеологическая» (Там же). Одной из таких дискуссий, протекавших по заданному руслу, стало обсуждение современного героя на страницах журнала «Вопросы литературы» в 1960 г., целью которого был толчок к «формированию нового дискурса “о герое

советской литературы", что позволило бы вписать новые произведения в рамки официозных представлений о нем» (Добренко, Тиханов, 2011: 425–427). В данной статье рассмотрен другой пример такой *заданной* полемики – метакритическая дискуссия в журнале «Октябрь» 1960–1961 гг.

Поскольку поставленная цель предполагает выявление общего направления дискуссии, а не создание портретной галереи критиков «Октября», то подробно останавливаться на личностях авторов анализируемых текстов мы не будем. Некоторые биографические сведения, необходимые для лучшего понимания приводимых здесь критических высказываний, приведены в примечаниях.

Метакритика «Октября» в контексте дискуссий начала 1960-х гг.

Дискуссии, которые велись на страницах толстых журналов в начале 1960-х гг., можно условно разделить на две большие группы. Первую составляют критические споры, касающиеся художественной литературы, в которых поднимаются проблемы художественной прозы (основное внимание при этом уделялось большим формам, была проведена, например, отдельная дискуссия о романе), поэзии (здесь заметнее всего дискуссия о молодой поэзии), а также споры вокруг отдельных публикаций и авторов, возникавшие из-за разных критических оценок произведения (наиболее яркий пример – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, полемика вокруг которого была заметным явлением в журнальной критике 1960-х гг.). Вторая большая группа статей – метакритические тексты, в которых авторы полемизировали друг с другом о целях и задачах литературно-художественной критики, пытались разобраться в причинах ее непопулярности среди читателей, указывали на ошибки коллег.

До сих пор не существует единого и полноценного определения метакритики. Если, согласно концепции Р. Барта (1989), критика является метаязыком по отношению к литературе, то метакритика – это метаязык, который *надстраивается* над критикой, описывая ее саму. По мнению Н. Маньковской, метакритика складывается из «описания, интерпретации, оценки существующих артефактов», причем оценка является ее «эстетическим ядром» (Маньковская, 2000: 227, 272). В книге «Метакритика метареализма» М. Бойко выделяет пять основных значений, в которых используется этот термин:

«1) как критика критики — в этом значении термин вошел в употребление благодаря двум сочинениям антикантовской направленности: «Метакритика пуризма чистого разума» Иоганна Георга Гамана <...> и «Метакритика критики чистого разума» Иоганна Готфрида Гердера <...>;

2) как наука о литературной критике, то есть как одна из метанаук, если под метанаукой понимать более общую науку относительно какой-либо дисциплины;

3) как критика высшего порядка, то есть как то, что находится в таком же отношении к критике, в каком метаязык находится к языку;

4) как краткая форма (свертка) словосочетания «метафизическая критика», то есть в значении критики, базирующейся на тех или иных метафизических предпосылках;

5) как критика, соответствующая литературному течению «метафизический реализм» в том же смысле, в каком «романтическая критика» соответствует романтизму как литературному течению» (Бойко, 2010: 10).

Многозначность этого термина отмечена и Ю. Говорухиной, которая предлагает понимать под ним «суждение о критике», поскольку подобное «широкое толкование позволяет включить в поле метакритики и научный дискурс, посвященный критике, и саморефлексию литературной критики» (Говорухина, 2010: 23). Несмотря на то что со страниц советских толстых журналов 1960-х гг. неоднократно звучали призывы относиться к критике как к явлению, сочетающему художественность и научность, литературная критика, существовавшая в пространстве этих журналов, тяготела скорее к публицистике. Поэтому для описания метакритических дискуссий того времени широкое толкование, предложенное Ю. Говорухиной, кажется не очень удобным. Условимся использовать термин *метакритика* в значении, близком к нему, а также ко второму и третьему, предложенными М. Бойко, подразумевая под ним литературную критику, направленную на описание и анализ самой себя. В данном случае метакритика может рассматриваться как часть медиакритики, которая «имеет некоторые точки соприкосновения с литературной и художественной критикой, другими предметными областями творческой критико-познавательной деятельности, что определяется некоторым родством их сущности и функций, совпадением определенных черт рассматри-

ваемых ими объектов» (Короченский, 2003: 35). Основанием для разделения этих терминов является область применения критических суждений: медиакритика описывает и оценивает деятельность СМИ вообще, тогда как объектом метакритики становится литературно-критический текст.

Проблемы литературной критики в толстых журналах 1960-х гг. обсуждались весьма активно. Метакритические статьи публиковались регулярно в разных изданиях, однако большинство из них представляли собой не дискуссионные материалы, хотя номинально и принадлежали к ним, а выражение партийных установок в отношении литературы и критики, прописанных в соответствующих постановлениях (продолжало, например, действовать принятое еще в 1946 г. постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»[1]). Полемическая направленность этих высказываний зачастую была внешней, они лишь создавали видимость обсуждения, на самом же деле их авторы вторили речам партийных деятелей[2].

Особенно энергично подобную дискуссию о критике в начале 1960-х гг. развивал «Октябрь». Наиболее активно о том, какой должна быть критика, авторы этого журнала высказывались в 1961 г., когда главным редактором стал Вс. Кочетов. Причем все метакритические публикации, вышедшие за первый год его редакторства, были привязаны к выступлению секретаря ЦК М. Суслова на встрече партийного руководства с представителями творческой интеллигенции[3], состоявшейся 17 июля 1960 г.[4] Это обсуждение было внутренним, прямых откликов на метакритические статьи «Октября» в других периодических изданиях практически не было. В «Литературной газете» за 1961 г. вышла лишь небольшая заметка «Где же споры?», посвященная не столько дискуссии в «Октябре», сколько ответственности редакций, «призванных организовывать и направлять работу критиков»[5]. В газете «Литература и жизнь» откликов на это обсуждение в 1961 г. не было вовсе. При этом оба издания выпускали статьи о проблемах критики, а идейная направленность материалов соответствовала тому, о чем писали участники дискуссии в «Октябре», более того, в качестве авторов часто выступали те же критики, что и в журнале В. Кочетова[6].

Мысли о том, какой должна быть критика, высказывались в журнале еще в период редакторства Ф. Панферова. Так, в седьмой книге за 1960 г. была напечатана статья В. Шкловского «Разговор по пово-

ду», представляющая собой рецензию на одноименную книгу – сборник критических статей А. Макарова. В. Шкловский приравнивает критика к писателю, отмечая, что разговорам о литературе недостает философичности: «Философия должна стать воздухом критической литературы, а не стенкой, по которой осторожно ведет руку прохожий, боящийся ухабов и не верящий в свое зрение»[7]. Однако эта публикация стоит особняком и не входит в дискуссию, о которой далее пойдет речь.

В последнем номере журнала за 1960 г., вышедшем уже после смерти Ф. Панферова, появился подраздел «Критика в наше время», состоявший из двух статей: «Взыскательность и объективность» Г. Бровмана[8] и «Наше общее дело – литература» Т. Трифоновой[9], – напечатанных, как указывала редакция, «в дискуссионном порядке»[10], для того чтобы подтолкнуть всех заинтересованных к рассуждениям о проблемах критики. Дискуссия, открытая этими статьями, продолжалась в течение следующего года. Безусловно, высказывания о критике со страниц журнала звучали и позже, но именно на 1961 г. пришлась активная фаза метакритических выступлений, связанная, возможно, еще и с развитием отдела критики в «Новом мире», которому «Октябрь» открыто противостоял. Журнал А. Твардовского также принимал участие в дискуссии: в четвертом номере за 1961 г. была опубликована статья А. Туркова «Заметки о критике», а в пятом – «Поэзия критической мысли» Ю. Манна, приуроченная к 150-летию со дня рождения В. Белинского. Однако такого системного разговора о критике, как в «Октябре», в «Новом мире» в начале 1961 г. не было. Дело в том, что в 1961 г. журнал А. Твардовского был занят обсуждением проблем поэзии и продолжал дискуссию о романе, получившую новое развитие после публикации в одиннадцатом номере за 1960 г. статьи Б. Рунина «Спор необходимо продолжить». «Октябрь» же почти целый год регулярно выпускал тексты метакритической направленности. После выхода статей Г. Бровмана и Т. Трифоновой, опубликованных с коротким предисловием, в котором говорилось об «исключительно важных задачах»[11] литературной критики, отмеченных М. Сусловым, в «Октябре» появилось еще несколько материалов: «Парадокс о критике» К. Зелинского (№ 2, 1961), «Письма о критике» А. Эльяшевича (№ 4, 1961), «Оружие критики» В. Архипова (№ 6, 1961) и «Для кого мы пишем? Заметки о критике» М. Чарного (№ 7, 1961). Они и сформировали дискуссию, откры-

тую в двенадцатом номере 1960 г. Проанализировав эти материалы, можно выделить несколько ключевых вопросов, вокруг которых строилась дискуссия: нужна ли критика писателю, какую роль она играет в литературном процессе, развивается ли советская критика? Если критика непопулярна, то в чем причины этого? Какие меры необходимо принять для укрепления позиций литературной критики и ее развития? Каковы основные функции и задачи литературной критики? Должна ли быть критика публицистичной? Тяготеет ли она к научному знанию? Попытаемся проследить, как об этих проблемах высказывались критики «Октября».

Отношения критика и писателя

По мнению Т. Трифоновой, критика необходима писателю и, чтобы она была действительно полезной, критик должен быть одновременно доброжелательным и требовательным, должен проявлять «идейную четкость» и понимание того, что творческий процесс – сложное явление, должен оказывать содействие «новаторским поискам»[12].

О том, что для художника критика важна, говорит и К. Зелинский[13] в «Парадоксе о критике». Этот текст представляет собой не традиционную проблемную статью, а метакритическое высказывание в художественной форме – рассказ, написанный от первого лица, передающий разговор писателя и нескольких критиков. Один из критиков, голос которого созвучен голосу самого К. Зелинского, заявляет, что «всю жизнь посвятил довольно странной профессии: делал из воды шипучку», что вызывает негодование со стороны писателя, считающего, что художественное творчество – это не просто «вода», и именно критику относящего к развлекательным явлениям, поскольку она «не содержит ничего существенного». В ответ на это критик замечает, что писатели вообще не склонны воспринимать критику и «только в редких случаях признают для себя пользу художественных статей». Аргументирует свою позицию он тем, что даже Н. Гоголь, которого присутствующие приводят в пример как писателя, открытого к правильному восприятию критики, «хотел бы услышать критику не со стороны литератора, а со стороны, скорее, читателей, которые для писателя не столь опасны, потому что общественное мнение формируют все-таки профессиональные критики, те, что печатаются в журна-

лах»[14]. Таким образом, он одновременно подчеркивает значение профессиональной критики, которая играет одну из ведущих ролей в литературном процессе, и негативное ее восприятие участниками этого процесса.

Еще одной проблемной статьей, облаченной в художественную форму, стали «Письма о критике» А. Эльяшевича[15]. Текст построен как эпистолярный спор критика и романиста и состоит из четырех писем. Первое написано от лица романиста, который утверждает, что писателю критики дать ничего не могут, поэтому было бы лучше, если бы они «по-настоящему занимались просвещением читателей, будоражили их разговором о больших социальных проблемах и, как это принято говорить, занимались их эстетическим воспитанием»[16]. Сходство с «Парадоксом о критике» очевидно: оба текста основаны на диалоге писателя и критика, в котором последний предстает в роли резонера, выражающего якобы объективную авторскую оценку. Герой А. Эльяшевича утверждает, что критика необходима не только читателям для ориентации в литературном пространстве, но и писателям, ссылаясь при этом на соответствующее высказывание Н. Хрущёва. Цитаты из речей партийных деятелей выполняют в метакритических материалах «Октября» двойную функцию: с одной стороны, они служат аргументами к выдвигаемым авторам тезисам (ведь авторитетность высказываний членов ЦК непререкаема), с другой – являются толчком для выдвижения самих этих тезисов, поскольку журнал должен был заниматься пропагандой и распространением идей, внедряемых партийным руководством. Именно прямотой отстаивания социалистического реализма в искусстве и партийных установок выделялся «Октябрь» среди других толстых журналов начала 1960-х гг.

С описания «необычайного подъема» перед XXII съездом начинается статья М. Чарного[17] «Для кого мы пишем? Заметки о критике». Автор отмечает, что первый секретарь ЦК Н. Хрущев «неизменно уделяет много благожелательного внимания критике»[18]. М. Чарный соглашается с К. Зелинским в том, что писательские высказывания о критике противоречивы, однако добавляет, что это не так важно: «Речь следует вести не о противоречиях, но о разных сторонах конкретной критики и о том, что есть критика плохая и есть хорошая, есть бесплодная, даже вредная, и есть нужная, как воздух». Он говорит также о том, что талант писателя и талант критика – это вещи разного порядка, поэтому многие из

писателей, пытавшиеся анализировать и оценивать чужие произведения, допускали серьезные ошибки: «Опыт показал, что именно критики-профессионалы имеют условия для наименьшего количества ошибок, для наибольшей объективности <...> Большой художник <...> слишком увлечен своим оружием». Это не означает, что профессиональный критик полностью объективен, поскольку у него, естественно, есть определенные ценностные установки, жизненный опыт и личные предпочтения, которые придают оттенок субъективности его суждениям. «Но само положение критика, особенно нашего, советского критика, должно помочь ему найти более объективную точку зрения, исходящую из общих интересов искусства»[19], – считает М. Чарный. Проблема влияния критики на писателя не кажется ему первостепенной. И здесь обнаруживается противоречие: несмотря на то что критика, как показывает автор, уже не играет той роли, какая была у нее раньше, в ее задачи по-прежнему входит воспитание читателя и писателя. Однако, по мнению М. Чарного, «суть вовсе не в том, помогла ли критика писателю. Все <...> сомнения в ненужности критики немедленно блекнут, как только вспомнишь о читателе, о массе читателей, о народе»[20]. Это приводит автора к мысли о том, что адресатом критических высказываний в печати должен быть рядовой читатель, а не писатель или специалист. М. Чарный отрицательно относится к тому, что критика, существующая на страницах печатных изданий, обращена к небольшому количеству людей, которые в состоянии понять ее и оценить. «Новый этап культурной революции диктует нам необходимость так поставить идеологическую работу, чтобы она доходила, как писала “Правда”, до “каждого советского человека”, чтобы она дошла до его ума и сердца. Для этого нового этапа характерно и то, что огромное значение приобретает эстетическое воспитание народа»[21]. Как видно, его точка зрения частично совпадает с мнением «романиста», которому противопоставлял свои суждения «критик» А. Эльяшевича.

Критика, публицистика и наука

Проблема связи литературной критики с публицистикой поднимается статье Г. Бровмана[22]. По мнению автора, «критика должна быть исполнена публицистического пафоса», поскольку

отказ «от публицистического подхода к анализу художественного произведения» ведет к тому, что критики сдаются «в плен эстетских представлений». При этом Г. Бровман обращает внимание читателя на то, что публицистический подход не исключает, а, напротив, строится на анализе «поэтической ткани» произведения[23]. То, что критике присуща публицистичность, подчеркивает и герой К. Зелинского. Кроме того, он считает, что критика представляет собой парадоксальный феномен, находящийся на стыке двух явлений – искусства и науки, причем она «тем больше становится наукой, чем больше в ней искусства»[24]. Герой К. Зелинского доказывает, что граница между научным и художественным мышлением стирается в критической деятельности, поскольку талантливый критик использует синкретический подход в своей работе, сочетая научное и художественное восприятие. Критика как пограничное явление представлена и в тексте А. Эльяшевича, который в послесловии к своему рассказу подчеркивает, что, хотя во многом не согласен с взглядами К. Зелинского, солидарен с ним в том, что критика должна восприниматься как сочетание искусства и науки.

Научность как одно из свойств критики В. Белинского рассматривается в статье В. Архипова[25]: «Громадное значение для эстетики имеет знаменитое учение Белинского об искусстве как *непосредственном* созерцании истины, или мышлении в *образах*. Это глубоко диалектическое, подлинно научное определение, указывая на специфику образной природы искусства, одновременно рушит непроходимую преграду между искусством и другими формами идеологии <...> снимая с него покров непостижимого и мистического». С точки зрения В. Архипова, эталонная критика – это, в первую очередь, наука, поэтому идеи В. Белинского он называет «учениями». Однако, как видно из приведенной цитаты, В. Архипов считает, что художественное и научное не могут быть четко отделены друг от друга, поскольку и то, и другое является «видом духовной культуры»[26]. Таким образом, в большинстве материалов «Октября» критика была представлена как синтетический вид деятельности, в котором сочетаются научность, художественность и публицистичность. Однако под публицистичностью в «Октябре» зачастую подразумевалось насаждение партийных идей и борьба с тем, что не вписывается в рамки социалистического реализма[27].

Состояние советской критики

Текст Г. Бровмана начинается с заявления о том, что литературная критика переживает подъем, проявляющийся в публикации большого количества статей и книг. Как уже было сказано, в этой и последующих метакритических публикациях «Октября» постоянно цитировалась июльская речь М. Суслова. Поскольку статья Г. Бровмана печаталась по случаю этой речи и стояла первой в ряду метакритических высказываний «Октября» 1960 г., она оказалась наиболее насыщенной отсылками к данному выступлению. Ключевой идеей, вокруг которой строятся рассуждения Г. Бровмана, становится изживание «эстетства» и «вульгарного социологизма» из искусства и критики.

Герой диалога К. Зелинского высказывает противоположное мнение в отношении популярности критической литературы. По его мнению, читателей не увлекает критика, сама по себе являющаяся особой интеллектуальной пищей, которая приходится по вкусу далеко не всем. Он говорит о том, что критические книги издаются сравнительно небольшими тиражами, а потому затраты на их производство не окупаются. Причину этого он видит в том, что критики пишут неинтересно.

Еще более пессимистично звучат высказывания романиста, с которых начинаются «Письма о критике» А. Эльяшевича. Он считает, что «критика больна» и если литература идет в ногу со временем, то критика отстает и от того, и от другого, в целом представая как «второстепенный жанр»[28]. А. Эльяшевич вводит эти суждения в свой текст только для того, чтобы оспорить в остальных трех «письмах». В них герой-критик говорит, что подобная «точка зрения отражает настроение определенной группы читателей (в том числе и писателей), которые недостаточно знакомы с подлинным состоянием критики»[29]. А. Эльяшевичу будущее советской критики представляется не таким мрачным, каким его изображают коллеги. В послесловии к «Письмам» он критикует Г. Бровмана за слишком категоричный, по его мнению, обзор журнала «Звезда», опубликованный во втором номере «Вопросов литературы»: «Способ, которым автор пытается “доказывать” свои обвинения, и в самом деле похож на размахивание тяжелой критической дубинкой: обо всем говорится оскорбительной скороговоркой, без единого убеждающего примера. Разбирая некоторые материалы, Г. Бровман не останавливается перед прямым искажением фактов,

приписывая авторам журнала “Звезда” совершенно вздорные мысли»[30], – пишет А. Эльяшевич, не уточняя, какие именно из суждений Г. Бровмана он считает не соответствующими действительности. Он также выражает несогласие с суждениями К. Зелинского о том, что критика находится на «задворках» культурной жизни и мало кому интересна: «Советская критика – здоровый, крепнущий организм. И надо, не запугивая читателя мнимыми болезнями, сделать все, чтобы помочь ее подлинному расцвету»[31], – заключает А. Эльяшевич.

Наконец, М. Чарный заявляет, что критика ведет бурную жизнь, что подтверждается дискуссиями, проводимыми в печати, а также мероприятиями, организованными Союзом писателей. Автор статьи открыто спорит с К. Зелинским, утверждая, что тот «напечатал недавно “Плач о критике”, в котором излил горечь, копившуюся, чувствуется, долгими годами»[32]. М. Чарный несколько раз отсылает читателя к указанной публикации, критикуя ее автора за «неясные рассуждения о двух подходах к действительности»[33], разговор о «чистой лирике» и «сомнительные» примеры[34]. При этом сочетание «плач о критике» было употреблено самим К. Зелинским в послесловии к диалогу: так, по его словам, окрестил статью один из друзей критика, которому он ее читал. Имя этого друга, который утверждал, что вместо страданий «нужно вовлекать молодежь» и показывать важность критики, К. Зелинским не раскрывается. М. Чарный отводит критике «руководящую роль» в литературном процессе, однако, по его мнению, она «ослабляется» тем, что критики, работающие в периодике, недостаточно быстро реагируют на выход произведений в толстых журналах, публикуя свои отзывы недопустимо поздно, «когда читательские страсти и интерес уже в значительной мере угасли»[35].

Таким образом, несмотря на несогласие с отдельными положениями, выдвинутыми в статьях коллег, большинство авторов сходятся в том, что советская критика – жизнеспособная система, которая развивается и совершенствуется, однако для полноценного и правильного существования в нее необходимо внести некоторые коррективы.

О недостатках и способах избавления от них

Уже из названия статьи Г. Бровмана «Взыскательность и объективность» видны те основные требования, которые, по мнению

автора, должна предъявлять литературная критика к произведениям и к самой себе. Нетерпимость к «эстетским представлениям», по его мнению, необходимо развивать, усиливая «партийно-воспитательную работу среди критиков и литературоведов»[36], в том числе в редакциях. Еще одной проблемой критики, на которую обращает внимание Г. Бровман, является публикация рецензий: «Лишь два “толстых” журнала имеют хорошо поставленную библиографию. Это “Новый мир” и “Звезда”», в последней «наряду с доказательными рецензиями, авторы которых в немногих строках умеют толково рассказать о книге, встречаются и рецензии-отписки, не дающие ничего ни уму, ни сердцу»[37]. Здесь Г. Бровман не только делает вежливый жест в сторону «Нового мира», но и подчеркивает, что у журнала А. Твардовского есть то, чего недостает самому «Октябрю». Стоит обратить внимание на то, что рядом с «Новым миром» называется «Звезда». В целом указанные журналы критикуются в статье Г. Бровмана, при этом о «Звезде» автор высказывается менее категорично. Возможно, поэтому она и не удостоилась той восторженной интонации, с которой он говорит о рецензиях, публикуемых в «Новом мире»: «Практика “Нового мира”, к примеру, показывает, что и крохотный (короче воробьиного носа!) отклик на книгу может быть полезен читателю, если раскрывает ее содержание, а не провозглашает общеизвестные истины»[38]. По-видимому, при помощи соблюдения баланса между упреками и похвалой, автор пытается показать объективность своих высказываний.

В отличие от публикаций, о которых шла речь выше, статья В. Архипова, приуроченная к 150-летию со дня рождения В. Белинского, сосредоточена не на постулировании качеств, которыми должна обладать советская критика, а на том, что является ее предметом изучения. По форме «Оружие критики» представляет собой «чистый» метакритический материал: в литературно-критическом тексте анализируется творчество литературного критика. При этом В. Архипов акцентирует внимание не на самой критике, а на свойствах литературного произведения, которые делают его «истинно художественным». На примерах из работ В. Белинского доказывается тезис о том, что для художественного творчества главное – национальность и связь с народным языком. Эстетика В. Белинского, с точки зрения В. Архипова, ценна тем, что ее «высшими категориями» являются «литература народа, народность литературы». Автор попутно

критикует гегелевскую эстетику, которая, как он считает, «знаменовала наступление эпохи, чуждой всему поэтическому», поскольку настоящее искусство не может существовать в отрыве от жизни. Попытки изолировать искусство он называет «дурным знаком», добавляя, что эта «метода к уяснению специфики искусства еще не привела, но зато немало дает для того, чтобы отделить искусство от политики»[39]. Несмотря на то что текст не изобилует отсылками к партийным выступлениям, он вписывается в общую тенденцию критики «эстетства» и пропаганды тех представлений об искусстве, которые выражались в речах М. Суслова и Н. Хрущёва.

К. Зелинский высказывается о другой проблеме критики: в отличие от литературы, она всегда воспринимается в совокупности, «индивидуальности» в ней «исчезают», поскольку сам жанр воспринимается как вспомогательный. «Беду» критики он видит в том, что авторы, работающие в этом жанре, создают «произведения обезличенного типа, в пределах общепринятых стандартов». Он предлагает «разукрупнить понятие критики», говоря, что существует «множество видов и форм внутри этого жанра», и сопоставляя разнообразие форм критики с разнообразием поэтических жанров. Он излагает также свою короткую «программу критики»: «Философия плюс личность. Причем художественная личность»[40]. Подразумевается под этим внимание к творческой индивидуальности отдельно взятого критика. Герой призывает не рассуждать о критике в целом, а говорить «о людях, талантах», «культивировать» их, поскольку критика должна быть сформирована совокупностью этих талантов, каждый из которых обладает своими характерными чертами. В постскриптуме К. Зелинский говорит о необходимости воспитывать молодое поколение критиков, а также о том, что «общественное значение» критики подтверждается высказываниями Н. Хрущёва и М. Суслова. Он также ссылается на материалы дискуссии «Критика в наше время», упрекая Т. Трифонову в «повторении общеизвестного». При этом К. Зелинский замечает, что критические «споры слишком камерны», ведутся без учета того, насколько вовлечены читатели журналов в суть обсуждаемых вопросов. Само же обсуждение проблем критики, порожденное выступлением М. Суслова, говорит, на взгляд К. Зелинского, о том, что «общая неудовлетворенность состоянием критики налицо»[41] и связано это, в первую очередь, с недостатком талантливых критиков.

М. Чарный также ссылается на выступление М. Суслова, в очередной раз критикуя «субъективистский произвол» и «эстетскую ограниченность»[42]. Наконец, он выделяет такую отрицательную черту критики и литературы, как «болезнь бездумья», которая, если верить автору, распространена на Западе, а в СССР встречается у отдельных работников литературы и связана со «стремительным движением вперед»[43] советского общества, за которым не поспевают критики и писатели. М. Чарный заявляет, что теоретические статьи уже перестали быть интересны, а читатели ждут не абстрактных рассуждений о литературе, а рецензий, анализирующих отдельно взятые произведения. Его высказывание о необходимости рецензий звучит в унисон с уже цитировавшимся выше заявлением Г. Бровмана: «Наши литературные журналы помещают обычно ничтожное количество рецензий, а две московские литературные газеты ухитряются иногда выпускать номера, в которых нет ни одной рецензии, даже информационной заметки о новых книгах. О других газетах говорить нечего. Подавляющее большинство книг остается без всякого критического отклика»[44]. В качестве доказательства того, что информирование о книжных новинках является одной из важнейших задач критики, М. Чарный вспоминает постановление ЦК и высказывание Н. Хрущёва о том, что критика должна стать «повседневной». Для достижения этого он предлагает следующую программу действий: «Резко увеличить количество рецензий и информаций о новых книгах в газетах и журналах; создать редакционный центр, который при помощи Пресс-бюро снабжал бы тысячи областных, районных, городских газет аннотациями новых книг и критическими статьями; создать двухнедельный литературно-библиографический журнал, который откликался бы на каждую новую книгу <...> увеличить тиражи критических книг, позаботившись одновременно и о пропаганде этих книг; наладить выпуск массовой серии небольших (2–3 авторских листа), живо написанных книжек, посвященных актуальным вопросам советской литературы, отдельным произведениям и писателям»[45]. Наибольшее значение проблемы литературной критики имели для толстых журналов, однако предложения М. Чарного были обращены не столько к самим критикам и редакциям, сколько к управляющему аппарату и не могли быть реализованы. Стоит также отметить, что краткая информация о книжных новинках уже существовала в периодике. Так, в журнале «Новый

мир», помимо раздела «Литературная критика», в котором печатались аналитические материалы и проблемные статьи, существовали разделы «Коротко о книгах» и «Книжные новинки». В первом собирались мини-рецензии, во втором перечислялись новые книги месяца. Короткие информационные сообщения о новых книгах публиковались также в газетах. Позднее подобный раздел появился и в «Октябре».

Основные задачи критики

Основной задачей критики, согласно статье Т. Трифоновой, является подробный анализ достоинств и недостатков произведения, при котором будет учитываться творческое своеобразие автора. Вместе с тем «критика должна помогать читателям глубже понимать произведения искусства, вернее их оценивать, яснее видеть их сильные и слабые стороны, разбираться в их эстетической природе»[46].То есть в задачи критики входит и формирование читательского вкуса.

«Критик активно участвует в становлении нового человека и новых общественных отношений – одновременно и как учитель жизни и как учитель литературы»[47], – пишет герой А. Эльяшевича. Естественно, рассуждения о роли и назначении критики в партийном журнале были бы неполными без упоминания соответствующих предписаний политического руководства, поэтому в четвертом «письме» вновь возникает отсылка к июльскому выступлению М. Суслова. Автор говорит о том, что не все прислушались к указаниям руководства, а потому «эстетская» критика продолжает существовать в пространстве литературно-художественных журналов. В очередной раз напоминается и о том, что положительные категории, такие как, например, честность, в советской системе могут быть связаны исключительно с партийностью. В один голос критик и романист А. Эльяшевича говорят «о той большой воспитательной роли, которую может и должна играть публицистическая критика»[48] в литературном процессе.

Воспитательная роль критики подчеркивается и в статье М. Чарного: «Повелительный долг всех работников культуры, и литературных критиков прежде всего, заключается в том, чтобы дать возможность использовать эти часы [свободные, благодаря 6–7-часовому рабочему дню], этот огромный резервуар энергии наилучшим образом»[49].

В. Архипов доказывает, что «подлинно литературная» критика «начинается там, где она перестает быть только литературной. Ибо она призвана решать один и единственный вопрос, вобравший в себя все вопросы, – об отношении искусства к действительности, то есть о роли искусства в жизни общества и народа». В статье последовательно развивается идея о национальности литературы, которой, по мнению автора, руководствовался В. Белинский. В. Архипов доказывает, что величие В. Белинского как критика заключалось в том, что он «определил роль и значение литературы в жизни народа», подчинил критику «решению великой национальной задачи», которая заключается в воспитании народа «для грядущих битв за свое освобождение», и в основе этого воспитания лежит «исторический опыт»[50]. Этим и обусловлено определение критики, которое выводит В. Архипов из своего метакритического анализа и правильность которого доказывает на протяжении статьи. Он говорит, что критика, в понимании В. Белинского (а значит, в правильном понимании), «есть сознание общих законов частного явления, рассматриваемого ею. Идеи должны быть ее главным и исключительным предметом»[51]. В. Архипов высказывает мнение о том, что именно В. Белинский сформулировал «надежные критерии оценки» художественного творчества, которыми являются «служение народу, степень постижения его подлинных, а не мнимых интересов, роль произведения в исторических судьбах народа и общества, место писателя в современной борьбе». Позиция В. Архипова заключается в том, что именно эти критерии являются мерилом художественности, которым должна пользоваться критика, они же стали «основой» самой критики[52].

Заключение

Метакритические высказывания в начале 1960-х гг. звучали со страниц «Октября» регулярно. Ответы на поставленные в таких публикациях вопросы, безусловно, были разными: некоторые авторы занимали схожие позиции, другие полемизировали друг с другом, критики могли соглашаться в отношении одного положения, но спорить о другом. Так, например, согласно статьям Т. Трифоновой и М. Чарного, литературная критика существует, прежде всего, для читателя, а К. Зелинский и А. Эльяшевич считают, что писателю она также необходима. При этом снижение роли литературной критики отмечают и К. Зелинский, и М. Чарный, который,

несмотря на это, утверждает, что критика ведет довольно активную жизнь.

В той или иной степени все авторы приведенных здесь статей воспринимают критику как инструмент, с помощью которого искусство может быть урегулировано и подчинено задачам, поставленным ему государством. Эта мысль может проявляться эксплицитно (критик как «помощник партии» у А. Эльяшевича) или преподноситься как выражение согласия с высказываниями официальных лиц (цитирование речей М. Суслова и Н. Хрущева в качестве аргументации).

Неизменно повторяются в метакритических материалах «Октября» ссылки на речь секретаря ЦК М. Суслова: они присутствуют в пяти из семи приведенных здесь статей. Оставшиеся два текста представляют собой не проблемные выступления, а рецензионно-аналитические, при этом текст В. Шкловского, посвященный современной критике, вышел в июльском номере, то есть был написан до выступления секретаря ЦК и стоял за рамками дискуссии. Другая статья, внешне не связанная с речью М. Суслова, – приуроченный к юбилею В. Белинского аналитический материал, написанный В. Архиповым. В ней нет прямых отсылок к партийным высказываниям, которые используются другими участниками дискуссии, однако точка зрения автора совпадает с общей всем выступлениям идеей недопустимости «чистого» искусства.

Высказывания М. Суслова, как правило, приводятся для осуждения «эстетской» критики, отделяющей искусство от реальности. Эта идея, выраженная также в известных речах Н. Хрущёва, произнесенных в мае и июле 1957 г. и опубликованных под общим заголовком «За тесную связь искусства и литературы с жизнью народа»[53], получила новое развитие в метакритических публикациях «Октября» периода подготовки XXII съезда КПСС. Именно на этом съезде была принята третья программа КПСС, в которой подробно разъяснялись задачи партии в строительстве «светлого будущего всего человечества», в том числе в области культуры и искусства. Отдельный пункт посвящен «повышению воспитательной роли литературы и искусства»: художественное творчество будет служить «источником радости»[54] за счет оптимистичности выражаемых в нем идей. Была обозначена и «главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатст-

ва и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед». Этому движению должно было способствовать «новаторство в художественном изображении жизни», но при условии соблюдения принципов «народности и партийности»[55]. Воспитание, о котором говорится в программе, стало одним из лейтмотивов критических статей «Октября», опубликованных в преддверии XXII съезда. Большинство авторов соглашается с тем, что критика должна выполнять воспитательную функцию и формировать читательский вкус.

Таким образом, метакритическая дискуссия, проведенная в журнале, стала одним из этапов пропаганды партийных идей в отношении культуры, выраженных в третьей программе КПСС, текст которой был опубликован в июле 1961 г. (тогда же вышел последний материал дискуссии).

Примечания

[1] О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. // Правда. 1946. Авг., 21.

[2] Например: *Хрущёв Н. С.* К новым успехам литературы и искусства. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.

[3] Подобные встречи стали регулярно проводиться с конца 1950-х гг. и преследовали дидактические цели – указать деятелям культуры на их ошибки и объяснить, чего от них ждут *наверху*.

[4] *Суслов М. А.* За подлинно великое искусство коммунизма! // Литературная газета. 1960. Июль, 19.

[5] Где же споры? // Литературная газета. 1961. Фев., 28.

[6] Например: Воспитывать, направлять, поддерживать // Литературная газета. 1961. Май, 23; *Зелинский К.* Пути к новым рубежам // Литературная газета. 1961. Май, 16.

[7] *Шкловский В.* Разговор по поводу // Октябрь. 1960. № 7. С. 223.

[8] Бровман Григорий Абрамович (1907–1984) – литературовед, критик, заведующий кафедрой советской литературы и творчества Литературного института им. А. М. Горького в Москве. В 1949 г. в ходе кампании против критиков-«космополитов», развернувшейся на страницах печати, был обвинен в антипатриотизме и снят с этого поста, а также рекомендован к исключению из ССП. (См.: *Добренко Е.* «До конца разгромить безродных космополитов!» // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. *Е. Добренко, Г. Тиханова*. – М.: Нов. лит. обозрение, 2011. С. 390–401; *Костырченко Г. В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. *Ю. Н. Афанасьева*. М.: Российск. гос. ун-т. 1997. С. 90–150).

[9] Трифонова Тамара Казимировна (1904–1962) – критик, литературовед. В 1946 г. активно участвовала в кампании против А. Ахматовой, в 1949 г. «выполняла поручения МГБ». В 1956 г. вместе с сестрой В. Кетлинской поддержала роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», вышедшие в «Новом мире» и раскритикованные партийной прессой (*Золотоносов М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960 годов). М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 139, 360, 382–383).

[10] Критика в наше время // Октябрь. 1960. № 12. С. 191.

[11] Там же.

[12] *Трифонова Т.* Наше общее дело – литература // Октябрь. 1960. № 12. С. 196.

[13] Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) – литературовед, критик. В 1922 г. вместе с И. Сельвинским и А. Чичериным основал литературное объединение конструктивистов в Москве, в 1930 г. публично отрекся от конструктивистских идей (*Давыдов Д.* Гребень гигантской волны // Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме / сост. и публ. *А. К. Зелинского*; предисл. *Д. М. Давыдова*. М.: ОГИ, 2015. С. 9–21), «выступил с покаянной статьей “Конец конструктивизма” в журнале “На литературном посту” (№ 20). Примечательна терминология этой статьи, примечательно и то, что Зелинский, раскаиваясь в собственных прегрешениях, поспешил опорочить всех своих сотоварищей» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М.: Согласие, 1997. С. 714). В 1948–1969 гг. (с перерывами) был сотрудником ИМЛИ им. А. М. Горького (*Золотоносов М. Н.* Указ. соч. С. 819). Исследователями характеризуется как противоречивая фигура (*Абдуллаев Е.* Мена всех. О конструктивистском периоде Корнелия Зелинского // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 258–292).

[14] *Зелинский К.* Парадокс о критике (К спорам о жанре) // Октябрь. 1961. № 2. С. 206.

[15] Эльяшевич Аркадий Павлович (1921–2004) – литературный критик. Регулярно печатался в журнале «Звезда», был членом Ленинградского отделения СП СССР. Выступал по «делу Пастернака» на закрытом заседании Союза, однако участвовать в качестве публичного обвинителя в суде по «делу Бродского», наряду с другими критиками, назначенными секретариатом, не стал. Был «приближенным критиком» Вс. Кочетова (*Золотоносов М. Н.* Указ. соч. С. 537–539, 570–581, 592).

[16] *Эльяшевич А.* Письма о критике // Октябрь. 1961. № 4. С. 202.

[17] Чарный Марк (Маркус) Борисович (1901–1976) – писатель, литературовед, критик. Исследователь творчества Артема Веселого и Алексея Толстого. Автор мемуарных очерков о В. Маяковском, Ю. Олеше, А. Луначарском, К. Паустовском и др., вошедших в сборники «Ушедшие годы» (1967), «Время и его герои» (1973).

[18] *Чарный М.* Для кого мы пишем? Заметки о критике // Октябрь. 1961. № 7. С. 200

[19] Там же. С. 201.

[20] Там же. С. 202.

[21] Там же. С. 203.

[22] Г. Бровман также выступил с докладом на открытом партийном собрании, посвященном обсуждению задач литературной критики, которое состоялось в феврале 1961 г., где призывал «шире и глубже ставить вопрос о воспитательном характере литературы». (Правдивая, принципиальная // Литературная газета. 1961. Фев., 9.)

[23] *Бровман Г.* Взыскательность и объективность // Октябрь. 1960. № 12. С. 193.

[24] *Зелинский К.* Парадокс о критике (К спорам о жанре) // Октябрь. 1961. № 2. С. 212.

[25] Архипов Владимир Александрович (1913–1977) – литературный критик. Постоянный автор журналов «Нева» и «Огонек». Занимался преимущественно русской классической литературой, активно отстаивал принципы социалистического реализма (*Огрызко В.* Нападки идиота // Литературная Россия. 2012. Апр., 13. Режим доступа: https://litrossia.ru/archive/item/5689-oldarchive (дата обращения: 23.04.2018). Г. Бровман называет его «рыцарем вульгарного социологизма» (*Бровман Г.* Взыскательность и объективность // Октябрь. 1960. № 12. С. 192). В. Г. Белинский в приводимой здесь статье служит подтверждением тому, что искусство должно быть тесно связано с жизнью народа, тогда как упоминавшаяся новомирская статья Ю. Манна посвящена анализу поэтики текстов В. Белинского.

[26] *Архипов В.* Оружие критики // Октябрь. 1961. № 6. С. 175.

[27] Иначе публицистичность воспринималась в «Новом мире», авторы которого стремились к анализу и предпринимали попытки «вскрытия» проблем, существующих в обществе.

[28] *Эльяшевич А.* Письма о критике // Октябрь. 1961. № 4. С. 202.

[29] Там же.

[30] Обвинения, которые Г. Бровману предъявляет А. Эльяшевич, объясняются еще и тем, что с 1960 г. последний был членом редколлегии «Звезды».

[31] Там же. С. 209.

[32] *Чарный М.* Для кого мы пишем? Заметки о критике // Октябрь. 1961. № 7. С. 200.

[33] Там же. С. 201.

[34] Там же. С. 205

[35] Там же. С. 204.

[36] *Бровман Г.* Взыскательность и объективность // Октябрь. 1960. № 12. С. 193.

[37] Там же. С. 195.

[38] Там же.

[39] *Архипов В.* Оружие критики // Октябрь. 1961. № 6. С. 175.

[40] *Зелинский К.* Парадокс о критике // Октябрь. 1961. № 2. С. 213.

[41] Там же. С. 215.

[42] *Чарный М.* Для кого мы пишем? Заметки о критике // Октябрь. 1961. № 7. С. 205.

[43] Там же. С. 208.

[44] Там же. С. 203.

[45] Там же. С. 204.

[46] *Трифонова Т.* Наше общее дело – литература // Октябрь. 1960. № 12. С. 196.

[47] *Эльяшевич А.* Письма о критике // Октябрь. 1961. № 4. С. 204.

[48] Там же. С. 206.

[49] *Чарный М.* Для кого мы пишем? Заметки о критике // Октябрь. 1961. № 7. С. 208.

[50] *Архипов В.* Оружие критики // Октябрь. 1961. № 6. С. 178.

[51] Там же. С. 175.

[52] Там же. С. 177.

[53] Эта идея стала заглавной в отклике М. Чарного на текст программы, выпущенном газетой «Литература и жизнь» (*Чарный М.* Источник вдохновения и радости // Литература и жизнь. 1961. Авг., 2).

[54] Программа Коммунистической партии Советского Союза (Принята XXII съездом КПСС). Москва: Политиздат, 1974. Режим доступа: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/116.htm#4

[55] Там же.

Библиография

Абдуллаев Е. Мена всех. О конструктивистском периоде Корнелия Зелинского // Вопросы литературы. 2016, № 4. С. 258 – 292.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. *Г. К. Косикова*. М.: Прогресс, 1989.

Бойко М. Е. Метакритика метареализма: сб. статей. М.: Лит. известия, 2010.

Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.

Золотоносов М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960 годов). М.: Нов. лит. обозрение, 2013.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. *Е. Добренко, Г. Тиханова*. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.

Короченский А. П. Медиакритика в теории и практике журналистики: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2003.

Костырченко Г. В. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. *Ю. Н. Афанасьева*. М.: Российск. гос. ун-т. 1997.

Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб: Алетейя, 2000.

Notes

Arkhipov V. Oruzhie kritiki [The Weapon of Criticism]. *Oktyabr'*. 1961. № 6.

Brovman G. Vzyskatel'nost' i ob"ektivnost' [Exactingness and Objectivity]. *Oktyabr'*. 1960. № 12.

Charnyy M. Dlya kogo my pishem? Zametki o kritike [For Whom Do We Write? Notes on Criticism]. *Oktyabr'*. 1961. № 7.

Charnyy M. Istochnik vdokhnoveniya i radosti [Source of Inspiration and Joy]. *Literaturai i Zhizn'*. 1961. Aug., 2.

Chukovskaja L. (1997) *Zapiski ob Anne Ahmatovoj. 1952–1962* [Notes About Anna Akhmatova. 1952–1962]. Vol. 2. Moscow: Soglasie Publ.

El'yashevich A. Pis'ma o kritike [Letters On Criticism]. *Oktyabr'*. 1961. № 4.

Gde zhe spory? [Where Are the Disputes?]. *Literaturnaya Gazeta*. 1961. Feb., 28.

Khrushchev N. S. (1961) *K novym uspekham literatury i iskussstva* [To the New Achievements of Literature and Art]. Moscow: Government's Political Literature Publ.

Ogryzko V. Napadki idiota [Attacks of an Idiot]. *Literaturnaja Rossija*. 2012. April, 13. Avaliable at: https://litrossia.ru/archive/item/5689-oldarchive

O zhurnalakh «Zvezda» i «Leningrad». Iz postanovlenija CK VKP(b) ot 14 avgusta 1946 g. [About the Star and Leningrad Magazines. From the Decree of

the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) dated August 14, 1946]. *Pravda*. 1946. Aug., 21.

Pravdivaya, printsipial'naya [Truthful, Principled]. *Literaturnaya Gazeta*. 1961. Feb., 9.

Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza (Prinyata XXII s»ezdom KPSS). [Program of the Communist Party of the Soviet Union (Adopted by the 22nd Congress of the CPSU)]. (1974). Moscow: Political Literature Publ. Available at: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/116.htm#4

Trifonova T. (1961) Nashe obshchee delo – literatura [Our Common Business Is Literature]. *Oktyabr'*. 1960. № 12.

Shklovskiy V. Razgovor po povodu... [A Conversation About...]. *Oktyabr'*. 1960, № 7.

Suslov M. A. Za podlinno velikoe iskusstvo kommunizma! [For The Truly Great Art of Communism!]. *Literaturnaya Gazeta*. 1960. July, 19.

Vospityvat', napravlyat', podderzhivat' [To Educate, Guide and Support]. *Literaturnaya Gazeta*. 1961. May, 23.

Zelinskiy K. Paradoks o kritike (K sporam o zhanre) [The Paradox of Criticism (To the Debates on the Genre)]. *Oktyabr'*. 1961. № 2.

Zelinskiy K. Puti k novym rubezham [Ways to New Frontiers]. *Literaturnaya Gazeta*. 1961. May, 16.

References

Abdullaev E. (2016) Mena vseh. O konstruktivistskom periode Kornelija Zelinskogo [Change of Landmark. On Kornely Zelinsky's Constructivist Period]. *Voprosy literatury* 4: 258–292. (In Russian)

Bart R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Writings: Semiotics, Poetics]. Moscow: Progress. (In Russian)

Boyko M. E. (2010) *Metakritika metarealizma: Sbornik statey.* [Metacriticism of Metarealism: Digest of Articles]. Moscow: Literaturnye Izvestiya. (In Russian)

Dobrenko E., Tikhanov G. (2011) *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokhi* [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Ages]. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian)

Govorukhina Ju. A. (2010) *Russkaja literaturnaja kritika na rubezhe XX-XXI vekov: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Literary Criticism at the Turn of the 21st Century. Dr. philol. sci. diss.]Tomsk. (In Russian)

Korochenskij A. P. (2003) *Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [Media Criticism in Journalism Theory and Practice. Dr. philol. sci. diss.] St. Petersberg,. (In Russian)

Kostyrchenko G. V. (1997) *Sovetskoe obshchestvo: vozniknovenie, razvitie, istoricheskiy final. V 2 t. T. 2. Apogey i krakh stalinizma* [Soviet Society: Emergence, Development and Historical End. In 2 vol. Vol. 2. The Apogee and Collapse of Stalinism]. Moscow: Russian St. Univ. Publ. (In Russian)

Man'kovskaja N. B. (2000) *Jestetika postmodernizma* [Aesthetics of Postmodernism]. St. Petersburg: Aletejja Publ. (In Russian)

Zolotonosov M. N. (2013) *Gadyushnik. Leningradskaya pisatel'skaya organizatsiya: Izbrannye stenogrammy s kommentariyami (Iz istorii sovetskogo literaturnogo byta 1940—1960 godov)*. [A Nest of Vipers. The Leningrad Writers' Organization: Selected Transcripts With Comments (From the History of Soviet Literary Life of the 1940s – 1960s]. Moscow: New Literary Observer Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
01.04.2018